

ЖЕНСКИЕ ИСТОРИИ

Наталья
ЛУКЬЯНОВА

НЕГАДАННОЕ
СЧАСТЬЕ

Наталья Гераниновна Лукьянова

Негаданное счастье

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=591135

Негаданное счастье: роман: Центрполиграф; Москва; 2008

ISBN 978-5-9524-3447-9

Аннотация

Виктория Плотникова уже в который раз собралась в одиночестве встретить Новый год. Муж бросил, а дети выросли и живут отдельно. Внезапный звонок в дверь прервал печальные размышления. Стоило Виктории отпереть, как в квартиру ввалился огромный и сильно датый мужчина в костюме Деда Мороза. Она едва разместила заснувшего пьяницу в коридорчике, а сама заперлась в комнате. Утром обнаружилось, что «тело» ушло, оставив после себя стопку долларов. Вскоре забавный эпизод забылся, однако примета о Новом годе, который как встретишь, так он и пройдет, начала сбываться. Сменив работу, Вика встретила лицом к лицу с «Дедом Морозом», который оказался ее начальником...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	26
Глава 3	42
Глава 4	69
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Наталья Лукьянова

Негаданное счастье

*Как много лет во мне любовь спала.
Мне это слово ни о чем не говорило.
Любовь таилась в глубине, она ждала.
И вдруг проснулась, и глаза свои открыла!
Теперь пою не я – любовь поет!
И эта песня в мире эхом отдается.
Любовь настала так, как утро настает.
Она одна во мне и плачет и смеется!*

Р. Рождественский

Глава 1

В канун новогодней ночи Виктория Михайловна Плотникова находилась в состоянии меланхолии. Так всегда бывало в праздники, особенно последние семь лет. Жизнь превратилась в унылую и очень предсказуемую историю. Виктория Михайловна давным-давно рассталась с романтическими мечтаниями и трепетной верой в сказочные пророчества. А заодно перестала верить в приметы, предсказания и вещие сны. Жизнь внесла в судьбу довольно печальные коррективы, которые исключили из повседневного обихода всякого рода грезы и иллюзии. Мечтать давно было не о чем, личная жизнь не удалась, на пороге ничто не ожидало, кроме неиз-

бежной и одинокой старости со всеми вытекающими из этого не очень приятного факта последствиями. Виктория Михайловна пока не чувствовала себя старухой, хотя паспорт с неизменным постоянством напоминал о том, что прошла не только первая молодость, но и все последующие. Зеркало, как ни странно, наоборот, убеждало в обратном. Она не пользовалась какими-то особенными кремами, не посещала салоны, природа-матушка сделала ей щедрый подарок от рождения. Кожа у нее светилась, как у молодой красавицы. Это факт. Ей никогда не приходилось прилагать особенных усилий, чтобы выглядеть хорошо. По молодости она принимала это за норму, а сегодня благодарила судьбу, что так получилось, причем без ее личного участия и лишних хлопот.

Нынче на пороге стояло торжество необычное, с волшебной начинкой – Новый год. И не важно, что тебе много лет, что ты давным-давно знаешь, что Деда Мороза не существует в природе, что ты перестала мечтать о чудесах в решете. Все равно настроение в это время и у самых твердокаменных пессимистов празднично-приподнятое. А тут и природа расстаралась не на шутку. Как по заказу, за окнами падает неторопливыми крупными хлопьями снег. В доме уютно пахнет елкой, мандаринами, свежееиспеченными пирогами и сказкой, как в далеком детстве.

Виктория Михайловна не ждала гостей. Дети разъехались кто куда на праздничные каникулы, приятельницы занялись решением собственных проблем. Большой беды в этом не

было, она привыкла встречать праздники в гордом одиночестве. Главное, как к этому относиться и каким образом настроиться. Киснуть и жалеть себя глупо, это занятие бесперспективное и довольно бессмысленное, способное превратить человека в несчастного и озлобленного на весь белый свет ворчливого горемыку. Поэтому законы праздников Виктория Михайловна соблюдала свято. Вот и нынче она елочку небольшую прикупила, нарядила с любовью и праздничный ужин приготовила. Сколько лет ни прожито, под Новый год всегда кажется, что сбудутся особенные, сокровенные желания, произойдет что-то необыкновенное. Что именно, Виктория Михайловна и не пыталась сформулировать, но почему-то именно в эту ночь страстно хотелось, чтобы произошло что-нибудь такое, что изменило бы жизнь к лучшему, придало тягучим и однообразным дням хоть какой-нибудь смысл.

Викторию Михайловну, как женщину, давно пережившую катаклизмы развода и прочие жизненные неприятности, все устраивало на сегодняшний день. Неземные страсти давно улеглись, слезы были выплаканы, надежды на счастливую сказочную личную жизнь благополучно растаяли с годами. Она внутренне смирилась с таким положением вещей. Ничего не сделаешь, выше головы не прыгнешь. Так уж случилось, что ее предал самый, как она считала, близкий и родной человек. Банальная и довольно распространенная история, только когда это случается с тобой, все перестает иметь

значение, не помогают никакие доводы, и каждый выбирает-ся из этой проклятой ямы отчаяния сам. С того черного дня прошло целых семь лет. Она не могла утверждать, что ей уже не больно. Боль осталась, но где-то в самом дальнем уголке сердца, она уже не так активно мешала жить. Виктория Михайловна простила мужа. И это не простые слова. Ей много пришлось пролить горьких слез, передумать самых разных и нерадостных мыслей, пережить и справиться, казалось бы, с невыносимой обидой.

Дети выросли, у них своя взрослая жизнь, в которую ее уже не очень-то пускают. Путь туда не то чтобы заказан, но преграды определенного рода имеются. Это нормально и вполне естественно, но нельзя сказать, что справедливо. От мысли, что детвора уже не принадлежит тебе одной безраздельно, бывает иногда грустно и зябко. Ее, как мать, многое не устраивает в этом смысле. Но тут уж ничего не поделаешь. Свою голову никому не подаришь. Взрослые дети стали самостоятельными и независимыми. Они давно не нуждаются в родительской опеке и тем более советах. Дети гораздо современнее матери и иногда позволяют себе снисходительный тон по отношению к ней.

Это нормально и закономерно, она не обижается на своих любимых чад, если они иной раз бывают не очень корректными по отношению к ней в своих высказываниях. Потом, со временем они поймут все сами. Ведь законы жизни изменить задиристой риторикой, педагогическими нравоуче-

ниями или ревностными родительскими страданиями невозможно. Родители на то и родители, чтобы быть мудрыми, понимающими, не обижаться на глупые мелочи и прощать ошибки и заблуждения детей. Если ты овладел этой житейской наукой, считай, сдал самый главный экзамен своей жизни. И только ты знаешь, какого труда, любви и терпения стоит тривиальная удовлетворительная оценка. Это, пожалуй, важнее, чем сдать самый сложный институтский экзамен на «отлично».

Всему свое время. Только оно – великий врачеватель и мудрец – способно расставить все по своим местам. Викторию Михайловну, конечно, смущают многие вещи, но в силу характера она не смеет противостоять обстоятельствам и диктовать детям собственные правила игры или требовать от них невозможного. Она понимает, что ее время постепенно уходит, пора уступать дорогу следующим поколениям.

Сын, Никита, умница, лучший ученик в классе, без всяких проблем поступил после школы в институт. А потом неожиданно для всех родных и окружающих бросил на третьем курсе престижное учебное заведение. Она очень переживала тогда, и все доводы, которые приводил мальчик, ее не устраивали. Вера в диплом и статус высшего образования не давали смириться с мыслью, что ее сыночка останется недоучкой. Сколько она его просила, умоляла закончить учебу, а уж потом пускаться в свободное плавание, находила сотни веских аргументов, уговаривала. Куда там. Не помогло. Сын

принял собственное решение. Виктории Михайловне тогда было очень больно. Она понимала, что Никита совершает страшную ошибку, которая может повлечь за собой печальные последствия и исковеркает мальчику судьбу. Но результат легкомысленного поступка воистину превзошел самые смелые ожидания.

Сын, оставив институт, с головой окунулся в бизнес и на сегодняшний день стал вполне успешным предпринимателем, организовал собственное дело и, кажется, совсем не нуждался в дипломе. Дела у него шли отлично. Вот и ломай голову, что первично – образование или все-таки жизненная смекалка и умение просчитать ситуацию своевременно и безбоязненно? Но все равно обидно, что ее Никита не закончил институт. Что-то скребет в душе. Как-то у нынешних, с виду благополучных и уверенных в себе, все не так, как надо. По крайней мере, на ее взгляд.

У Никиты замечательный брак, он счастлив в семейной жизни. Для нее, как матери, это очень важно. Желая Никитка выбрал прекрасную. Дашка умница, красавица, но что-то не видно искорок между молодыми, один сплошной рационализм, словно жизнь подчиняется математическим законам и правилам. Конечно, можно все свалить на неправильную точку зрения, но это будет неправдой. Не такая она и старуха. Всего-то сорок два годика стукнуло в этом году. По нынешним временам еще о-го-го! Далеко не бабулька-красотулька. Хотя с какой стороны посмотреть. Жизнен-

ная дорожка стелется не на ярмарку, совсем в обратном направлении. До пенсии далековато, примерно как до счастья, тем более что российскую пенсию счастьем назвать трудно, даже с большой натяжкой. Новую, так называемую личную жизнь устраивать поздновато. Учитывая прожитое и пережитое, она с полным правом может сказать, что кое-какой жизненный опыт у нее имеется. Она могла бы подсказать любимым деткам, что делать и как жить, только в ее рекомендациях никто не нуждается. Молодые в лучшем случае делают вид, что внимательно слушают, но она же еще не окончательная шизофреничка, понимает, что детки стараются соблюсти приличия исключительно из чувства такта, лишь бы маму не обидеть. Им легче притвориться, чем прислушаться, задуматься, понять.

Можно было бы жить да радоваться за молодых. Но слишком уж все неправильно. У Дарьи свои твердые понятия о жизненных приоритетах. Она современная, уверенная в себе, успешная молодая женщина, которая усиленно строит собственную карьеру. Амбиции очень крутые, все пока получается, но, на ее взгляд, у девчонки слишком завышенная самооценка. Им бы с Никитой детей нарожать да растить на радость себе и бабушкам, которые пребывают пока в силах и разуме, ан нет, не дожدهшься. У молодых и рьяных на первом месте карьерный рост и маниакальная потребность в зарабатывании денег. Другие ценности их не греют. Рвут душу и здоровье, практически не живут нормальной жизнью. Все у

них как на соревнованиях. Бегут куда-то, пытаются доказать, что стоят дорогого. Только на этом пути теряют многое. Как бы потом банкротами не оказаться на финише. Усмехаются снисходительно, только не понимают одной простой истины – счастье не в количестве заработанных денег и высоком социальном статусе, а совсем в другом.

Виктория Михайловна очень хорошо относится к невестке, но, когда Дарья начинает рассуждать о перспективных планах на ближайшее десятилетие, у нее волосы дыбом встают. Она уже давно распрощалась с заветной мыслью поводить с пухлощекиными внуками и смирилась с тем, что карапузов ей от Никиты с Дашей не дожждаться, по крайней мере в ближайшее время. Но когда Дарья начинает безапелляционным тоном декларировать, каких успехов она должна достигнуть и сколько заработать денег за год, два, три, у Виктории Михайловны возникает стойкое ощущение, что она превращается в героя фантастического триллера о не очень счастливом технократическом будущем.

В этом не очень веселом кино человеческая жизнь и судьба разложены по полочкам и соблюдается строгое расписание по всем направлениям движения. Бытие там замечательное, целиком и полностью рациональное, просчитанное и выверенное до мелочей. Только нет в этом замечательном и целесообразном обществе главного – счастья жизни, удовольствия от простых и понятных вещей, нет места друзьям и невинным глупостям, и самое страшное – нет места детям.

Почему-то статья под наименованием «дети» находится в самой последней графе. Это, наверное, правильно, что нынешние молодые довольно серьезно относятся к проблеме деторождения. Ученые, помнится, и в ее время старательно пропагандировали теорию, гласящую, что дети должны быть желанными, прогнозируемыми, любимыми. Никто не спорит, родить и вырастить детей – ответственно. Но жизнь показала, что все эти заумные теории – бред сивой кобылы, и не более того. Если бы люди во все времена подходили к этой проблеме с рациональных позиций, жизнь на Земле давно бы закончилась. На взгляд Виктории Михайловны, в сегодняшней, крайне стремительной современной жизни молодые приобрели огромные возможности для самореализации, но вместе с тем потеряли что-то очень важное, что всегда было главным для рода человеческого, – любовь, безрассудство, в хорошем смысле этого слова, романтичность и некоторую бесшабашность.

Молодые – другие, они вписались в новую жизнь легко, значит, так тому и быть. Они умеют зарабатывать деньги, успешны, по-здоровому агрессивны, ставят перед собой задачи невиданной сложности и умудряются решать их с блеском. Хвала им и слава. Неожиданно выросло поколение, которое не знает сомнений, интеллигентских колебаний, решает житейские и рабочие проблемы с завидной легкостью. Они не умеют отдыхать. Их фетиш – работа, работа и еще раз работа. А после работы они, выпив чашку кофе, садятся за

персональные компьютеры, и вопрос о внуках отпадает сам собой. От компьютеров дети, к сожалению, не рождаются.

Только все время мучает навязчивая мысль: «А чувствовать, страдать, любить они способны или им органы ощущений отрезали вместе с пуповиной еще в роддоме? Случайно, по недосмотру безответственной акушерки?» Честно говоря, боль от этого не проходит. Не так она представляла себе неуклонно надвигающуюся старость, если честно.

С дочкой тоже все ох как непросто. Вроде все неплохо у девочки складывается. Аллочка всегда была послушной, славной, неконфликтной девочкой. Она, в отличие от брата, закончила институт без всяких проблем, получила красный диплом, а это дорогого стоит. И половинку свою встретила. Только половинка не очень-то торопится вести ее девочку в ЗАГС. Виктория Михайловна сделала несколько несмелых попыток поговорить с дочерью по душам, но все ее старания разлетелись в пух и прах. Аллочка отмахнулась от матери, как от назойливой мухи, и ушла от разговоров на щекотливую тему.

А что такое на самом деле этот распространенный нынче пресловутый «гражданский брак»? Как в дразнилке или в старой песенке – и не то чтобы да, и не то чтобы нет. Гражданское сожителство – явление не только современной жизни, у этой традиции довольно давние корни. Когда-то принятие такого решения было смелым шагом, говорило о твердой позиции молодых людей, связанных сильными чувства-

ми и общими идеями, явилось вызовом обществу. Молодые люди, разъединенные сословным неравенством, ради любви готовы были идти на такой смелый поступок. Но сегодня гражданский брак, по глубокому убеждению Виктории Михайловны, имеет исключительно пошлый характер. Она не ханжа и не синий чулок. Но никто ее не убедит в обратном. Называется это простым и довольно избитым словом: «безответственность». И что бы ни говорили психологи с мировыми именами, какие бы доводы ни приводили в пользу свободного сожительства, все их аргументы для родителей будут напрасными и необидительными.

В первую очередь от такого союза страдает женщина, для которой статус замужней дамы много значит, будь она хоть самая рьяная «эмансипе». Как ни крути, как носом ни верти, от действительности не уйдешь. Мужчине всегда проще, особенно если его не связывают условности и законы. Он вечно в полете, он свободен от бытовых проблем, беременности, подгузников, первых соплей и прочих детских неожиданностей. Он имеет право сделать замечание своей женщине, что она выглядит не самым лучшим образом, хотя сам, небритый и немывтый, смахивает в этот момент на вурдалака. Он легко предъявляет требования, но с большой неохотой берет на себя бремя ответственности.

Иногда в голову Виктории Михайловны приходили совершенно крамольные мысли о спасении дочери. Ей нравился ее неофициальный зять Виктор. Спору нет, современный, на-

пористый, активный человек. Был бы он ее сыном, она, несомненно, гордилась бы таким умным и талантливым мальчиком. Но как женщина, прожившая жизнь и вырастившая двоих детей, она очень хорошо понимала, что эта партия ее доченьке счастья не принесет. Хорошо, когда человек талантлив, трудолюбив и знает, чего хочет. Только такому не стоит связывать жизнь с людьми, которые будут его самозабвенно любить и класть собственную жизнь на жертвенный алтарь этой самой любви. Лучше бы ее девочка вышла замуж за честного труженика без особых амбиций, пусть и не такого талантливого. Тогда бы, может быть, ее Аллочка была по-настоящему счастлива. Без изысков и современных выкрутасов. Но, как говорится, не судьба. Выпал ее девочке совсем другой жребий. Нянится со своим непризнанным талантом, подчинила всю жизнь ему, единственному и неповторимому. Виктория Михайловна не спорила с дочерью и в принципе допускала мысль, что может ошибаться. Вполне возможно, что когда-нибудь, в далеком далеко, кто-нибудь сумеет по достоинству оценить роль в искусстве талантливого художника Виктора Бобылева. Но ей, как матери, невыносимо больно видеть, как ее девочка погибает за просто так.

Виктор официально нигде не работал. Писал картины, как горячо утверждала ее дочь, очень талантливые. Пытался выставляться, но пока безуспешно. Иногда ему удавалось продать кое-что из своих работ. Иностранные туристы довольно падки на картины современных российских художников. Но

на это кое-что прожить практически невозможно. Аллочка преподавала английский в школе и занималась репетиторством. Совсем не щадила себя ради своего гения. Работала целыми днями без выходных и проходных, пока ее непризнанный художник творил, а чаще вообще ничего не делал. Подобное времяпрепровождение у него называлось вовсе не бездельем или тунеядством. Мастер находится в стадии накопления творческих идей. Вот такая красивая теория. А по-русски, если перевести на понятный язык, это означает, что он валяется целыми днями на диване, уставившись неземным взором в потолок.

Подводить итоги собственной жизни в новогоднюю ночь не хотелось, от этого становилось грустно, а волноваться по пустякам Виктория Михайловна не любила. Да и по большому счету у нее не было особенных причин винить судьбу за прожитые годы. У многих женщин не было и четверти того, что выпало на ее женскую долю. Все хорошо, все нормально. Нет ни малейших оснований лить слезы или биться в истерику. И наступающий Новый год совсем не повод для страданий. Ну и что, что в полночь наступит другой по счету год? Поменяются цифры на календаре? Так они каждый день меняются. Напрасно люди придают обыкновенному астрономическому событию глубокий и загадочный смысл. Все давно известно в этом мире. Не может измениться судьба только потому, что куранты отбарабаният свой привычный звон тридцать первого декабря в полночь.

Позвонили в дверь, кого-то принесло на ночь глядя. Виктория Михайловна вздрогнула от неожиданности. Слишком резким оказался звук, которого она не ждала. Сама виновата, давно пора поменять звонок на более мелодичный. От нынешнего вздрагиваешь и начинаешь непроизвольно дергаться. Уж больно резок. А чего бояться-то? На часах двенадцатый, но это сегодня ничего не значит. Нынче мало кто спит в это время. Странно... Кто бы это мог быть? Она никого не ждет. Дети отзвонились, поздравили с наступающим Новым годом. Сын – из Лондона, дочка – из подмосковного санатория. Нынче модно встречать Новый год не дома. Меняются времена и традиции, появляются новые обычаи. Хорошие дети, внимательные. Честь им и хвала, помнят о дорогой маме и о московском времени не забывают.

Так настойчиво и без лишних церемоний в ее дверь в любое время суток может звонить только один человек – соседка с первого этажа. Виктория Михайловна женщина спокойная, доброжелательная, которая относится терпимо к людям вообще и их слабостям в частности. Но иногда от общения с соседкой теряет не только дар речи – лишается душевного равновесия. Надежда Анатольевна человек совершенно неординарный во всех отношениях, точнее сказать, на удивление беспардонный и напористый. Она – очень активная женщина без особых признаков интеллекта, глубоко несчастная в семейной жизни, поскольку супруг пьет, как последняя дрянь. Супруг Надежды Анатольевны пил всегда,

пил везде и сейчас продолжает осуществлять свою нехитрую программу с завидной настойчивостью и методичностью. В редкие минуты просветления он похож на человека. Конечно, и краны он починяет виртуозно, и о политике рассуждает с умным видом. Алкаши, они люди в принципе неплохие. Все понимают, очень правильно оценивают ситуацию, довольно самокритичны, разговорчивы, когда не пьют. Но есть одно маленькое но. Верить им нельзя ни при каких обстоятельствах. В момент просветления они молодцы, а подступит – и продадут за чекушку мать родную.

Леха, муж Надежды Анатольевны, частенько приходил к ней втихаря от жены за соточкой. Виктория Михайловна в силу своего слабого характера отказать мужчине не могла, хоть соседка наказала ей строго-настрого денег и водки мужу не давать ни под каким видом. Да как отказать? С одной стороны, она понимает, что этого делать нельзя, а с другой – не поднимается рука человека обидеть. Трезвый Леха – незаменимый мужик в хозяйстве. У него воистину золотые руки. Поменять прокладку, сменить батарейку, вбить гвоздь, в общем, все бытовые мелочи, с которыми не в состоянии справиться одинокая женщина, он решает за пять секунд и очень небольшие деньги. К тому же он исключительно порядочен. В каком бы состоянии он ни находился, всегда помнит, у кого и сколько занимал. Можно быть уверенной, очередной долг Леха вернет вовремя.

Люди бывают разными, но соседка ей досталась уникаль-

ная по всем параметрам. Это чудо природы помогло ей понять некую истину. Она за свою жизнь прочитала много книг, умных и разных. У нее давно сложилось убеждение, что такое добро и зло. Она долго не понимала одного – каким образом добрые и милые соседи умудрялись сдавать простых, ни в чем не повинных людей в кровожадные лапы НКВД в те страшные кровавые тридцатые – чтобы отхапать себе заветную жилплощадь?

Теперь, когда судьба подсурипила ей «милых» соседей, она поняла, с какой простотой и легкостью люди совершали злодеяния. Надежда Анатольевна знала про нее все, впрочем, как и об остальных обитателях дома. Но Виктории Михайловне приходилось тяжелее остальных, поскольку она жила как раз над любопытной и неутомонной дамой. Словно наделенная необыкновенными экстрасенсорными способностями, Надежда Анатольевна слышала любой шорох в любое время дня и ночи и знала обо всем, что происходило в квартире Виктории Михайловны. Можно понять, когда речь идет о пылесосе или другой технике. Но когда соседка этажом ниже информировала с видом победителя, во сколько ты встала, в котором часу пошла в туалет, нажала на кнопку чайника – это слишком. И тем не менее! Создавалось ощущение, что Надежде больше делать нечего, как прислушиваться, что происходит в квартире, расположенной наверху. При этом она не стеснялась делиться своими впечатлениями. Ей было совершенно все равно, что при выслушивании милых по-

дробностей Виктория Михайловна чувствовала себя виноватой во всех смертных грехах, хотя оргий не устраивала и посуду об пол с завидной регулярностью не била. Такое впечатление, что пожилой женщине не хватало остроты ощущений в собственной жизни. Казалось бы, в семье все ужасно. Муж – запойный алкоголик, дети получились тоже не очень-то благополучные. Живут в малогабаритной трешке аж три семьи, где уж там о поведении соседей судачить, контролировать всех подряд и быть в каждой бочке затычкой?

Ничего подобного. Надежда Анатольевна ведет себя, словно престарелая и до сей поры не уgomинившаяся пионервожатая социалистической поры, которой до всего есть дело. Контролер местного значения. Ей бы в собственных проблемах разобраться, а не нет. Участвует в общественной жизни подъезда с необыкновенным энтузиазмом, забыв про собственные кастрюли и проблемы. Если, не дай бог, в соседней квартире молодежь устроила праздник, будьте уверены, дорогие граждане, милицейский наряд приедет ровно в одиннадцать.

Справиться с этой неугомонной теткой не способен никто. Да никому и в голову подобные крамольные мысли не приходят, потому что эта затея заранее обречена на провал. Надежда Анатольевна стоит на страже законности и нравственности, как тот цербер. Виктория Михайловна иногда с трудом сдерживает эмоции: возникает желание при встрече рекомендовать соседке потратить личное время на достиже-

ние более высоких целей. За часы, потраченные на бдение за нравственностью жителей подъезда, она могла бы вставить себе зубы. Или вскопать клумбы перед домом. Но у Надежды Анатольевны существует мания, и поделаться с этим ничего невозможно. Народ терпит, но противостоять ей никто не в силах. Вот так и живет подъезд. Старшего по дому не выбирали, все безоговорочно подчиняются негласным законам, установленным строгой и бдительной Надеждой Анатольевной. Правда, надо отдать должное этой необыкновенной женщине, есть и некоторые положительные моменты от ее кипучей деятельности. Благодаря ее бурлящей энергии лампочки в подъезде их гнилой пятиэтажки всегда горят, а буйная и неуправляемая подъездная молодежь перекочевала по другим адресам, чтобы не связываться с неистойвой бабой.

Виктория Михайловна до конца своих дней будет помнить курьезный случай, происшедший много лет назад. Она от доброты душевной и понимания трудной ситуации отдала ключи от квартиры двоюродной сестре на несколько часов. Сестра в ту пору устраивала свое нелегкое женское счастье, дело святое, надо было девочке помочь хотя бы такой малостью. Если бы она знала, во что выльется ее благородный жест, никогда в жизни не предложила бы свою помощь. Бдительная соседка просекла ситуацию мгновенно и с необыкновенным энтузиазмом организовала подъездную общественность на борьбу с грехом. Бедные влюбленные так и не успели согрешить. Им все время звонили в дверь. Подо-

зрительно поинтересовались, куда делась хозяйка квартиры и почему они, собственно, тут находятся. Демарш подъездной общественности под руководством кипящей от праведного гнева Надежды Анатольевны закончился полной победой борцов за моральную чистоту. Любовь приказала долго жить. Что ж – в такой ситуации умерла бы не только любовь. Все живое вряд ли выдержало бы тотальную атаку старых завистниц-энтузиасток.

Поскольку по складу характера Виктория Михайловна женщина интеллигентная и лояльная к чужим слабостям, она, хоть и раздражается иногда, легко прощает сверхлюбопытную и удивительно бесцеремонную соседку. С соседями надо жить в мире и дружбе, это не обсуждается. Понятие сие является аксиомой. Пусть тебя раздражают и нервируют чужие и странные поступки. Все-таки худой мир лучше доброй войны. Жизнь – штука серьезная и довольно продолжительная. Никто не знает, что будет за очередным поворотом.

Дети увлечены собственной жизнью, мешать им не хочется. Тем более – беспокоить по житейским пустякам. Она понимает, что у них своих забот полон рот и вечно не хватает времени. А проблем набирается, особенно с годами, огромное количество. И в такой ситуации соседи становятся незаменимыми помощниками. Субсидию оформить надо? Конечно, этот вопрос не обсуждается. Жировки оплатить жизненно необходимо. Отпрашиваться с работы для Виктории

Михайловны – равносильно катастрофе местного масштаба. Заведующая у них дама серьезная и довольно вредная. Она, конечно, отпустит, но запомнит день и час, когда ей удалось совершить благородный поступок, и при удобном случае не забудет тебе об этом напомнить. Поэтому Виктория Михайловна старается лишний раз не идти с протянутой рукой к грозной мадам. Тут на помощь приходит пусть вздорная, но в подобной ситуации незаменимая Надежда Анатольевна.

А иногда, как ни бодрись, случаются казусы в виде проклятого гриппа, когда ты валяешься в постели и прощаешься с жизнью, глядишь с тяжелой тоской на термометр, который с тупым равнодушием рапортует тебе, что жить осталось совсем недолго. Мелочь вроде бы, но выбивает из колеи капитально. И тогда, без вызова, как будто так и должно быть, приходит буйная и бесцеремонная Надежда, которую ты не очень любишь и уж тем более не слишком уважаешь. Но вот парадокс. Эта неистовая, сверхлюбопытная и неуправляемая тетка решает все твои проблемы, заваривает чай с малиной, бежит в аптеку и поднимает тебя на ноги. Ей совершенно не в тягость сходить за тебя в сберкассу и оплатить счета, она сидит у твоей постели, как дорогая мама. Удивительно, но факт. Иногда хочется убить соседку за излишнее любопытство и беспардонность, а иногда и голову склонить в благодарном поклоне. В такие моменты в голову приходят всякие умные философские мысли о многогранности и неординарности жизни.

Вот и сейчас, в новогоднюю ночь, видимо, решила неугомонная Надежда Анатольевна поделиться своими насущными проблемами. Наверняка опять муж напился или зять дебоширит, а ей поплакаться некому. Ну что ж, как говорится, судьба. Сделать вид, что никого нет дома, не удастся, потому как включен телевизор. Придется открыть дверь. Надежда все равно не успокоится. По настойчивости ей нет равных. Вон как трезвонит, будто случилась беда. Не откроешь, только хуже будет. Соседка поднимет на ноги не только весь подъезд, всю милицию.

Так, не волнуемся, надо быть добрее. В конце концов, появляется шанс встретить Новый год не в гордом одиночестве. Все слова и жалобы соседки известны и надоели до оскомины, но это не беда. Будет с кем выпить по бокалу шампанского. Не с елкой же чокаться, в конце концов. Несколько грустно встречать праздник одной, как бы ты ни изображала из себя женщину самостоятельную и независимую. А что делать? Приходится соответствовать обстоятельствам. Пусть хоть соседка поможет скрасить надоевшее до оскомины одиночество. Это хорошо, когда ты кому-то нужен. Хотя в виде жилетки или элементарного спонсора на день. У тебя самой денег не очень-то много, но Надежде, которая смиренно, но с завидным постоянством просит в долг совсем небольшую денежку, у тебя никогда не хватает совести отказать.

Вот и хорошо, вот и отлично. У тебя все не сбылось, и соседка исключительно несчастна. Между вами много общего.

Отличная получается компания в новогоднюю ночь. Будет с кем ударить по шампанскому (зря, что ли, зеленая бутылка стоит на столе?), погоревать о своей бабской судьбе. Замечательный праздник получится. С Новым годом, дорогие женщины! Потом закончатся нудные и вынужденные зимние каникулы, ты опять придешь в свою библиотеку. И будешь там вкалывать за гроши с необыкновенным энтузиазмом и рвением, как положено, как будто тебе платят в евро за твое усердие и верность профессии.

Глава 2

Виктория Михайловна открыла дверь и испытала настоящий шок. Новый год – это всегда чудеса в решете и ряженные, спору нет. Говорят, в Новый год всякое может случиться. Но не до такой же степени. На пороге вместо несчастной агрессивной Надежды Анатольевны маячила странная и довольно одиозная мужская фигура. Мужчина был абсолютно пьян, что называется, в стельку. Это виделось сразу, невооруженным глазом, и обсуждению не подлежало. В таком состоянии немудрено ошибиться дверью. Но это было еще не самое смешное. Пьяница нацепил на себя костюм Деда Мороза, а это уж слишком. На могучем теле пьяного мужчины очень смешно топорщился красный халат, явно не рассчитанный на мощные плечи. Здоровяк был не молод, примерно ее возраста или чуть старше. Солидный мужчина, наверное, когда трезвый. Зато в данный момент несуразен и комичен до невозможности. Бутафорская взлохмаченная борода съехала набок. Одна белая ватная бровь находится на своем законном месте, другая – наполовину оторвалась и смешно свешивалась над глазом. Отклеилась, бедненькая, не вынесла пренебрежительного к себе отношения. Видно, непокорная бровь мешала мужчине страшно, он все время резким движением скидывал голову. Нелепо до невозможности и очень похоже на нервный тик. На что надеялся, несчастный?

Какие мысли бродили в его мутной голове? Что ватная бровь сама на место встанет или отпадет окончательно? Ночной незнакомец в маскарадном костюме так вошел в роль, что театры мира и все елки огромной страны отдыхали. Не успела Виктория Михайловна захлопнуть дверь перед носом незваного гостя, как неудавшийся герой зимней сказки довольно твердо и членораздельно произнес:

– Это сорок седьмая квартира? – и опять смешно дернул головой. Ватная бровь не поддавалась. Она взлетела в очередной раз, подчиняясь движению головы, а потом вновь повисла над левым глазом. Дед Мороз недовольно поморщился и вновь дернулся. Бесполезно.

Виктория Михайловна растерялась окончательно. На дворе поздний вечер, все люди как люди, провожают старый год и готовятся к встрече нового, а ей неожиданным образом подвалило пьяное счастье в атласном халате довольно потрепанного вида в состоянии сильного алкогольного опьянения.

– Это сорок седьмая квартира, – честно ответила Виктория Михайловна и поняла, что все это просто так не закончится. От этой мысли на душе заскребли кошки. Ну, за что ей такое счастье, в самом деле? Дверей на площадке целых четыре, а залетный дедушка выбрал именно ее.

– Где Вовочка? – строго спросил пьяный Дед Мороз и покачнулся довольно сильно, так что Виктория Михайловна испугалась не на шутку. Но падения не произошло. Мужчина непостижимым образом сгруппировался и ухватился

неверной рукой за притолоку. Спасибо, что не грохнулся ей под ноги. Она бы при всем желании не смогла выволочь его в подъезд. Великоват и грузноват мужик на вид, к тому же пьян, как биндюжник.

– Вас президент интересуется или кто-нибудь попроще? – съязвила Виктория Михайловна, не удержавшись. Уж очень комично выглядел несчастный мужик, попавший в довольно обыкновенную, но не очень приятную ситуацию. Снегурочки рядом не наблюдалось, мешка с подарками тоже не было видно, всех и вся растерял, бедолага, на своем нелегком пути, не позавидуешь. С первого взгляда становилось ясно, что попал человек в нешуточную передрагу.

Виктория Михайловна не испугалась. Несмотря на очевидную неадекватность позднего визитера, ситуация выглядела довольно смешной и вполне предсказуемой. Подумаешь, неудачник актеришка вместо того, чтобы честно отработать денежки, напился в стельку, перепутал все на свете, затерялся на просторах большого города и попал не в ту квартиру под Новый год. Это происходит довольно часто. Пить надо меньше, господа. Совсем не страшный, наоборот, очень жалкий и несчастный Дед Мороз. И может быть, совсем неплохо, что он по пьяному делу забрел в ее квартиру и не попал к незнакомому маленькому мальчику Володе, который бы мгновенно разочаровался в чудесах при виде такого пугала в халате с бородой набок и перестал бы верить в сказки.

– У меня заказ. Я должен поздравить мальчика Вову с Новым годом. И ваши шутки, мадам, сейчас неуместны, – очень грустно, но с некоторой долей пафоса произнес пьяный Дед Мороз.

Видимо, по жизни, когда оставался трезв, этот странный тип был человеком ответственным. Но сейчас он был пьян в стельку. Ему бы домой поскорее попасть, лечь да выспаться хорошенько, а все равно не сдается. Пытается из последних сил довести начатое дело до конца. Упорный, не отступит ни за что, несмотря на свое плачевное состояние. Нет, не надо оправдывать алкоголика.

Скорее всего, его просто мучает навязчивая идея – и не более того. А ей, интересно, за какие грехи привалило такое счастье? Не хватает еще возиться с этим типом в красном халате! Мало того что праздник приходится встречать наедине с телевизором, теперь для полного счастья осталось приютить у себя пьяного мужика, потерявшегося во времени и пространстве.

Виктория Михайловна сделала слабую попытку закрыть дверь без лишних объяснений, но не тут-то было. Пьяный упрямец не сдался. Он довольно ловко подпер дверь ногой, и слабых женских сил не хватило для того, чтобы избавиться от неприятных неожиданностей. Ситуация вроде как и смехотворная, но начала понемногу раздражать. Бороться с невменяемым типом было бесполезно, да она физически с ним не справилась бы. Бросить его одного на пороге

при открытой двери – тоже не вариант. Хороший получается праздник. Поднимаешь бокал традиционного шампанского под бой курантов и дрожишь от страха. Дверь нараспашку, в квартиру рвется незнакомый мужик в изрядном подпитии. Ну что заставляет этих идиотов напиваться до пороссячьего визга? Неужели нельзя отложить кувыркание в сугробах на потом? Где-то не спит и плачет обиженный мальчик Вова, он так и не получит долгожданного подарка, а эта пьяная скотина мешает нормальным людям спокойно встретить Новый год. Гадость какая. Ну не в милицию же звонить, в самом деле. Насмешишь всю округу до колик. А то запросто вместо наряда милиции «скорую» из психушки пришлют. Что она им скажет после того, как наберет 02? Что к ней в квартиру рвется пьяный в стельку Дед Мороз? Можно легко представить, какую это вызовет реакцию у дежурного. Не хочется становиться героиней новогоднего анекдота.

– Слушай, – неожиданно сфамильярничал незванный гость, – мне что-то нехорошо. Я вижу, ты баба простая, незлобная. Помоги, а? – просительно произнес мужик и громко икнул. Это разозлило Викторию Михайловну еще больше.

– Я сейчас помогу, быстро милицию вызову. Будут тебе и помощь, и прочие услуги. Иди куда шел. Не мешай нормальным людям, прошу по-хорошему, – пригрозила Виктория Михайловна, у которой сердечко уже начало подрагивать нехорошо и тревожно. Предчувствия ее не обманули.

Как только она увидела этого противного типа, сразу почувствовала неладное. Ясно, отделаться от незваного гостя так просто не удастся. Надо проявить твердость характера.

— Ну и вызывай, — неожиданно легко согласился ночной гость. — Я хороший. Мне бы чашечку кофе. — Дед Мороз склонил свою подуставшую голову, вернее, она каким-то странным образом неожиданно у него поникла, словно шея устала от невыносимого груза, и продолжил: — Мне все равно. — Сказано это было с такой обреченностью, что поневоле становилось жалко прохиндея. Только этого не хватало. Ну что за характер такой, в самом деле! Этому артисту погорелого театра не жаль портить нормальным людям праздник, а у нее сердце должно болеть за всех дураков мира!

— Ногу убери, — железобетонным голосом произнесла Виктория Михайловна. Она твердо отдавала себе отчет, что спасения ждать неоткуда. Вся страна сидела за новогодним столом, и никому в мире не было дела до ее проблем. Избавиться от неожиданного гостя ей придется самостоятельно и чем быстрее, тем лучше. Надо быть жесткой, несговорчивой, непоколебимой, и никакой жалости! Ни в коем случае. Пусть идет своей дорогой, артистишка несостоявшийся. Она ему не знакомая и не родственница, нечего играть в благородство и проявлять сочувствие.

Мужик внезапно очень смешно и громко икнул во второй раз и в ту же секунду атласным кулем рухнул в маленькую прихожую Виктории Михайловны. Та еле успела отскочить

поближе к двери комнаты, чтобы не погибнуть под повалившейся машиной. Выхода не осталось. То ли действительно нужно срочно звонить в органы, то ли пора звать на помощь соседей. Упал Дед Мороз опасно, лицом вниз, не успел даже выставить вперед руки.

Ноги упавшего Деда Мороза остались за порогом, блокируя дверь намертво в распахнутом состоянии. Вытащить это чудовище из квартиры у Виктории Михайловны не хватало сил. При ее весе в шестьдесят три килограмма сдвинуть безжизненную громадину не удалось бы ни за какие коврижки. Виктория Михайловна растерянно потопталась на месте. Делать нечего. Дверь в любом случае надо закрыть, не жить же с распахнутой дверью, пока этот подарок судьбы не придет в себя. Не май месяц на дворе, неуютно. Не говоря уже об элементарной безопасности. Виктория Михайловна нагнулась и осторожно похлопала Деда Мороза по плечу. Никакого шевеления в ответ. Легкое прикосновение не произвело на бесчувственное тело ни малейшего эффекта. От внезапной тревожной мысли о том, что у человека сердце не выдержало алкогольной перегрузки и он сейчас отдаст концы прямо в ее прихожей, Виктории Михайловне поплохело не на шутку. Бедная женщина отчаянно схватилась обеими руками за мощное плечо и стала трясти мужика изо всех сил. Ей не пришло в голову пощупать пульс или прислушаться к дыханию распростертого на полу. Она была перепугана до смерти. Страх за жизнь незнакомца победил разум и отключил

логику. Вместо того чтобы вызвать «скорую», она зачем-то изо всех сил вцепилась в плечо незнакомца и пыталась таким нехитрым способом вернуть мужика к жизни. Ничего абсурднее нельзя было придумать.

Неожиданно алкоголик буркнул что-то невразумительное и... захрапел. Виктория Михайловна мгновенно выпрямилась и в следующий миг отступила на прежние позиции. Да что за напасть такая, в самом деле! Она с ума сходит от страха, а эта скотина и не собиралась умирать. Мы спим, видите ли. Нашел место. Это теперь надолго. Можно представить, сколько нужно было влить в себя спиртного, чтобы выбить из времени и пространства такое большое тело! Виктория Михайловна была готова кричать от гнева и растерянности. Занимая почти все пространство маленькой прихожей, бесчувственная туша храпела, выставив ноги наружу. Из открытой двери тянуло холодом и страхом. Надо было что-то делать. Для начала хотя бы попытаться закрыть входную дверь.

Пришлось, тихо скользя по стеночке, с замиранием сердца переступая через раскинутые в разные стороны чужие руки, пробраться к двери. Операция прошла успешно. Но закрыть дверь невозможно. Ноги мешают. Виктория Михайловна мысленно перекрестилась, схватилась обеими руками за одну ногу – и сделала попытку затолкнуть чужую конечность в квартиру.

Первая попытка не удалась. Мужик, к счастью, не сопротивляется, но ситуацию это не меняло. Сколько она боро-

лась, чтобы закрыть дверь, Виктория Михайловна не запомнила, но то, что потрудиться ей пришлось основательно, — точно. Борьба стоила женщине огромных потерь. От праздничной прически остались одни воспоминания, она несколько раз принималась лить бессильные слезы и напрягалась так, как не напрягалась на любимой даче в разгар летнего сезона. В процессе борьбы с ногами незваного пришельца она краем уха слышала, как торжественно пробили полночь телевизионные куранты. Присущее ей чувство юмора проснулось мгновенно. Люди по-разному встречают праздники, это правда. Но ее вариант наверняка оказался самым оригинальным! Просто лидер новогоднего хит-парада!

Она постаралась успокоиться, но ей не удавалось взять себя в руки. Наконец в голову пришла идея, которая показалась вполне разумной. Виктория Михайловна ухватила за обе ноги спящего, согнула их в коленях, потом, стараясь не выпускать из ладоней чужие ботинки, каким-то чудом сумела повернуться к Деду Морозу спиной. Ура, это было единственное правильное решение. Она отпустила ножищи и подперла собственной спиной согнутые конечности ночного гостя. Положение не из самых удобных, поза еще та. Ноги дрожат от напряжения, если вдруг этому деятелю придет в голову идея повернуться или подтянуть ноги, полетит она как раз спиной на мужика. Зато руки освободились. Дотянуться до двери было делом техники. Пусть пеняет на себя, пьяница проклятый, если ему неудобно лежать с ногами,

поднятыми вверх, как у отдыхающего после трудного похода туриста.

Ее хитроумные маневры и невероятные усилия завершились полной победой. Дверь была закрыта, обратный путь в комнату по спасительной стеночке проделан с успехом. Кроме горькой обиды и бессилия она не ощущала ничего. Ситуация выглядела абсурдной до крайности. То, что произошло, оказалось во сто крат хуже, чем перспектива встретить Новый год в обнимку с телевизором. Проклятая привычка открывать дверь всем подряд, не задавая элементарного вопроса «Кто там?»! Сколько раз дети корили ее за легкомыслие и просили повесить обыкновенную цепочку, чтобы застраховаться от неприятностей. Все посмеивалась про себя и думала, что не может случиться с ней казус, подобный сегодняшнему. Вот и досмеялась.

Итог новогодней был ночи потрясающий. Рассказать – никто не поверит в реальность происходящего. Только что наступил Новый год. Что там у нас со временем? Ага, совсем ничего, двенадцать часов тридцать пять минут. Сограждане пьют шампанское, танцуют, веселятся, запускают петарды, а у тебя в коридоре лежит пьяный в стельку незнакомый мужик с ватной бородой, в атласном халате. И ты никак не разберешься, что делать с этим новогодним подарком. То ли спать ложиться, то ли дежурить у сладко храпящего тела. Телу, кажется, совсем неплохо в твоей прихожей. Этот незваный гад лежит себе на коврике, выдает рулады и, кажется,

чувствует себя вполне комфортно. Ему все равно, что происходит, он уже, наверное, видит десятый сон, а ей, женщине, лишенной праздника, что делать с таким сюрпризом?

Виктория Михайловна, сомневаясь в правильности своих решений, выключила телевизор и, соблюдая предельную осторожность, с опаской выглянула в прихожую. Ничего не изменилось. Кошмар не рассосался сам по себе, к ее большому сожалению. Молодчик-налетчик повернулся на бочок и сладенько так похрапывал на ее коврике, только борода взлетала при каждом новом выдохе, ножки, вернее, ножищи поджал совершенно по-детски, ладони под пьяную физиономию подложил – сам черт ему не брат.

Тяжело вздыхая и проклиная про себя все праздники мира, несчастная женщина, ругая себя последними словами за собственную мягкотелость, решительно сдернула любимую декоративную подушку с дивана, из шкафа достала теплый плед – и вышла в прихожую. Алкаш, конечно, но жалко по-человечески урод. Герой новогоднего времени. Дома, наверное, детишки плачут, жена скучает у телевизора, роняя слезы, тем более что все программы нынче выглядят как братья-близнецы. А он своих позывных передать не может, валяется в чужой прихожей и сладко похрапывает. Ему сейчас хорошо, ему в этот момент даже, может быть, сны замечательные снятся. А остальным-то каково? Хуже нет, когда отец семейства алкоголик.

Виктория Михайловна подложила под забубенную голо-

вушку неудавшегося сказочного героя любимую подушку и накрыла несчастного пледом. Хотя, если хорошенько подумать, неизвестно, кто несчастней. Или этот пьяница, который сладко почмокивает во сне, или она, совершенно непричастная к событиям, спокойная, порядочная женщина, которая вдруг ни с того ни с сего оказалась в совершенно нелепой ситуации.

Виктория Михайловна долго сидела в кресле, не снимая ладонь с телефонной трубки. На тот случай, если чужак проснется. Откуда она знает, что может произойти? А вдруг он вместо того, чтобы извиниться и покинуть ее дом, буяннить начнет? И потребует продолжения банкета? Человек незнакомый, как он себя поведет, она не знает и знать не может. Уж тогда она быстренько наберет 02. Все-таки, как ни крути, ситуация странная, никто не может дать гарантий, что все закончится благополучно. Это вам, господа, не Америка, где запланированный хеппи-энд неизбежен. Хочется, конечно, надеяться на лучшее, но предугадать развитие событий не в силах самый главный волшебник. Равномерный храп из прихожей вгонял в сон, Виктория Михайловна и сама начала позевывать. Сказались нервное напряжение и усталость. И соседки, как назло, нет дома. А как могла пригодиться! Эх, Надежда Анатольевна, упустила ты шикарный шанс!

Почувствовав, что наваливается сон, Виктория Михайловна осторожно встала со своего кресла, быстро убрала посуду со стола – и вновь заняла прежнюю позицию. Рука вновь

легла на телефонную трубку. Теперь уже сна не было ни в одном глазу. За окнами по-прежнему с жутким грохотом взрывались петарды. Шумно было не только от салюта, народ гулял и не скрывал своей радости. Но все звуки, даже самые мощные, перекрывали невероятные по силе и разнообразию рулады из прихожей. Все равно наступит утро, пьяный Дед Мороз придет в себя, что дальше? А вдруг он маньяк, убийца или насильник? Или вор-домушник? А она, как последняя дуручка, не только разрешила ему обосноваться в собственной прихожей, но еще с материнской заботливостью подложила под голову любимую подушку и накрыла мягким пледом.

С кем посоветоваться? Детей беспокоить не хочется. Да и не станет она этого делать ни за какие коврижки. Хороша она будет, если побеспокоит детей из-за какого-то алкоголика. Чем они могут ей помочь – один из заграничного, другая из подмосковного далека? Пусть отдыхают и не беспокоятся.

Вот и получается, что собственные проблемы ты должна решать сама. А проблема одна, но очень большая и слишком пьяная, чтобы с нею справиться немедленно. Да-а-а, дела. С Новым годом, дорогие товарищи, как говорится, и никаких гвоздей. Это ж надо было умудриться вляпаться в такую пошлую историю, когда пенсия уже практически превращается в реальность и сами мысли о ней не вызывают отторжения!

Виктория Михайловна промучилась без сна всю ночь. Давно ей не было так погано и тоскливо. А еще все время

где-то под сердцем царапался противный подленький страх, который не давал заснуть. Кто знает, что ее ждет, когда сюрприз с отклеившейся бровью проснется?

Мысли текли все медленнее, бдительность испарялась, и Виктория Михайловна не заметила, как заснула. Рука ее сползла со спасительной телефонной трубки и безвольно повисла. Трубка обиженно отозвалась за такое бесцеремонное отношение к себе короткими гудками, но Виктория Михайловна этого уже не услышала.

Очнулась Виктория Михайловна, когда рассвело. Сначала она не сообразила, почему спит в кресле, а телефонная трубка снята. Потом, мгновенно вспомнив про вчерашнее, вновь перепугалась до смерти. Как она могла поступить так опрометчиво? Она сидела, сжавшись в кресле, хотя ноги затекли до невозможности, а все тело ломило. Но ничто не могло заставить ее поменять неудобной позы. Она внимательно и напряженно вслушивалась в тишину. Именно в тишину. Храпа не было! Значит, незванный гость проснулся, пока она дрыхла, и что теперь? Где он? Он может скрыться в ванной, в другой комнате, на кухне. Ничто не помешает ему напасть на нее. В квартире была абсолютная тишина.

Виктория Михайловна с предельной осторожностью, стараясь не издавать никаких звуков, медленно опустила ноги на пол, поднялась – и тут же с невообразимым грохотом грохнулась на пол. Затекшие ноги подвели. Казалось, сильнее бояться невозможно. От ужаса она прикрыла голову

обеими руками, словно это могло помочь в случае настоящей опасности. Прошла минута, другая. Ничего не происходило. Насильник-маньяк-убийца не пытался совершить нападение, хотя момент для этого был самый что ни на есть удачный.

Наконец, Виктория Михайловна начала потихонечку соображать. Стыдно быть такой трусихой. Надо взять себя в руки, встать и дойти до прихожей. Нелепо умирать от страха в собственной квартире в первый день Нового года. Наверняка мужик проспится, очухается малость и ретируется по-английски, сгорая от стыда. А она навоображала себе невесть какие ужасы и страхи.

Легко сказать, только сделать как? Прошло довольно много времени, пока, наконец, Виктория Михайловна собрала остатки разума и мужества, призвала на помощь все силы небесные, поднялась и двинулась на негнущихся ногах в сторону прихожей. Свет горел, это уже хорошо, не так страшно, значит, картина сразу прояснится.

В прихожей было пусто. Ее любимая подушка лежала не на полу, а на туалетном столике, сверху благодарный гость положил аккуратно свернутый плед. Не веря своему счастью, она подошла на цыпочках к двери, толкнула ее – дверь была захлопнута. Теперь надо было проверить остальные помещения и успокоиться. После обхода квартиры, превратившегося в муку, Виктория Михайловна убедилась, что посторонних в доме нет. Обессилив от напряжения и до конца не ве-

ря, что так легко отделалась, она вновь пошла в прихожую. Взяла в руки постельные принадлежности, чтобы вернуть их на место, и охнула. Из-под подушки на пол полетели купюры. Пять стодолларовых зеленых бумажек. Час от часу не легче. Виктория Михайловна завороченно следила за причудливым полетом американских денежных знаков. Платежеспособный оказался гражданин, ничего не скажешь, и совестливый к тому же. И что теперь с этим богатством делать? У нее не гостиница, таксу за ночлег она не назначала. Скажите пожалуйста, какой щедрый алкоголик нынче пошел! Видимо, хорошо платят ряженым в праздничные дни.

А с другой стороны, она, наверное, слишком щепетильна. Кто и во сколько оценит степень пережитого ею страха и испорченный праздник? И все равно – этот аттракцион невиданной щедрости пахнет несколько дурно. Не нужны ей эти деньги. На что бы она их ни потратила, все будет напоминать о кошмарной ночи и пережитом ужасе. Виктория Михайловна осторожно положила постельные принадлежности обратно на столик, присела, собрала разлетевшиеся бумажки, отнесла их в спальню и убрала в шкатулку, в которую заглядывала крайне редко. Пусть лежат там, подальше от глаз. Сама она разыскивать щедрого дарителя не будет, слишком много чести. А появится этот чудак, – будет ясно, что делать.

Глава 3

Новогодние каникулы тянулись долго, и, если честно, порядком поднадоели. Виктория Михайловна старалась заполнить вынужденное безделье приятными маленькими радостями. На ее счастье, выставки были открыты, театры работали. Как хорошо жить в Москве, а не в занюханной провинции. Кто бы и что бы ни говорил, но в нашей счастливой и огромной стране жить полноценной жизнью можно только в столице. Так было всегда. Во времена войн и потрясений, в мутные годы перестройки и сейчас, когда все пытаются убедить тебя, что живут в демократическом государстве. Говорите что хотите, но за годы прожитой жизни Виктория Михайловна поняла одну простую истину: на самом деле, какие бы ни происходили государственные перевороты, какой бы строй ни объявляли на дворе, для простого человека это не имело ни малейшего значения. Неудобства возникали, это точно. А по сути своей больше ничего не менялось.

Можно было наверстать упущенное, и она с удовольствием это делала. Постепенно странные события новогодней ночи потускнели и перестали вызывать страх. В душе она уже не проклинала, а жалела неудачника актеришку, который испортил праздник и себе, и людям.

На работу она вышла в приподнятом настроении. Соскучилась, что там говорить. Виктория Михайловна очень лю-

била свою работу. Ей не скучно было возиться с каталогами. Кто-то думает, что это рутинное и никому не нужное занятие. Глупости. За каждой новой карточкой она лично видела книгу, живую, в красивой обложке, от которой веяло непонятной смесью из клея, типографской краски и еще непонятно чего. Ее работа вообще имела особенный запах. Нигде не пахло так, как в библиотеке. И хотя ее все время пытались убедить, что библиотеки скоро больше будут похожи на компьютерные классы, а не на книгохранилища, ей не очень-то в это верилось. Так рассуждать могли не очень образованные, равнодушные или недалекие люди. Зачем тогда, скажите пожалуйста, до сих пор горстка сумасшедших энтузиастов ищет библиотеку Ивана Грозного? Какой в этом смысл? Но ведь ищут. И какое счастье, что в стране, измученной чужими ценностями, есть еще море энтузиастов и настоящих патриотов!

Коллеги делились впечатлениями после подзатынувшихся и порядком надоевших каникул. Виктория Михайловна тихонечко помалкивала про себя. Не было ни малейшего желания рассказывать родному коллективу о собственных приключениях. Ну, перепутал человек дом, или улицу, или корпус. Подумаешь, невидаль, такое происходит каждый Новый год и, наверное, в любом городе. Сколько юморесок об этом написано, фильмов снято! Тем более что в ее случае произошел обыкновенный житейский казус, который не имел и не мог иметь никакого продолжения – ни романтического, как

в кино, ни трагического, что гораздо чаще бывает в жизни. Рассказывать не о чем. Единственное, что вызывало некоторый душевный дискомфорт и не давало окончательно забыть о происшествии, – пять зеленых американских бумажек.

Жизнь вынырнула из праздников без особых потерь и понеслась по накатанным рельсам, только успевай поворачиваться. Вернулись из заморских и загородных вояжей дети. Довольные, отдохнувшие, с массой прекрасных впечатлений. Налетели вихрем в гости к маме на три часа, вручили сувениры, похвастались фотографиями, поели по-человечески в кои-то веки – и умчались по своим неотложным делам. Смешные и любимые. Не нужны ей ни сувениры, ни все богатства мира, ей бы видеть их почаще. Телефон, конечно, изобретение замечательное. Только, когда разговариваешь по телефону, глаз не видно, да и не будешь болтать бесконечно. Но ничего, она мудрая мама. Она все понимает. Главное, что они здоровы и счастливы.

Все потихонечку вернулось на круги своя. Только новенькая дверная цепочка напоминала о неприятном случае в новогоднюю ночь. Довольно скоро Виктория Михайловна привыкла к ней и перестала ассоциировать утилитарную вещь с досадным и довольно комичным происшествием.

Вездесущая соседка Надежда Анатольевна осталась не в курсе событий – уезжала на праздники к родственникам в деревню. Вот уж не повезло женщине! От этой малости Виктория Михайловна при общении с бдительной и беспардон-

ной теткой получала неизъяснимое удовольствие. Она уродилась вовсе не такая злорадная или мстительная, вовсе нет. Но сама мысль о том, что человек, который не стесняется контролировать каждый чужой шаг и вздох, пропустил событие эпохальной важности, вселяла в душу тихую радость.

На работе все шло по-прежнему. Библиотечные дамы сплетничали потихонечку, что, впрочем, совершенно не мешало им добросовестно исполнять служебные обязанности. Виктория Михайловна по характеру вовсе не являлась сторонником резких суждений, тем более строгих оценок чужих действий или поведения. Она впитывала в себя информацию, куда от этого денешься. Коллектив женский, надо понимать. А в дамском коллективе нейтральная позиция – лучшее лекарство от непрошенных бед. По крайней мере, не будет нужды выяснять отношения и участвовать в мелочных бабских разборках. И потом, какой из нее судья, когда собственная судьба давно пошла наперекосяк и неизвестно, чем вся эта веселая история под названием «жизнь» закончится. Теперь-то она твердо знает, что нельзя никого осуждать, тем более – учить, что правильно, а что нет. Ни один человек не застрахован от зигзагов судьбы. Ее личная история это подтверждает.

Виктория Михайловна в самом страшном сне не могла себе представить, что ее семейная жизнь, все, чем она жила, дышала, дорожила, разлетится стремительно вдребезги. Боль от этого не проходила уже почти семь лет. Ничто не

предвещало беды, а та взяла и пришла в дом уверенной хозяйской поступью, не предупредив, не постучав. Виктория Михайловна могла теоретически допустить, что когда-нибудь наступит старость, начнут преследовать немощи и болезни, но что она потерпит крах в семейной жизни, не приходило в голову никогда и ни при каких обстоятельствах.

Семья у них была прекрасная, строилась по кирпичикам не один год. Кладка была неторопливой, надежной, как Великая Китайская стена.

Познакомились они с будущим мужем на первом курсе института. С первого дня знакомства потянулись друг к другу и стали неразлучны. Их так и прозвали в группе – Шерочка с Машерочкой. Нельзя сказать, что между ней и Аркадием случился бурный, страстный роман. Ни о какой обжигающей страсти, описанной в литературе, не было и речи. Отношения между ними с первого дня сложились ровные, скорее дружеские, чем любовные. Им это не мешало, скорее наоборот. Их объединила не любовная горячка, – общие интересы и одинаковые взгляды на многие вещи. Спокойные, доброжелательные отношения помогли избежать многих ошибок, которые свойственны влюбленным парам. Между ними не возникало беспричинных и глупых изматывающих ссор, их не терзали приступы бессмысленной ревности. Доверие и взаимопонимание были основой их взаимоотношений. Они шли по жизни вместе, смотрели в одном направлении и были вполне довольны друг другом.

Окружающие настолько привыкли видеть их вместе, что по отдельности и не воспринимали. Вокруг них кипели нешуточные студенческие страсти. Вика с Аркадием искренне недоумевали, как можно тратить время и силы на подобные глупости, когда жить само по себе интересно, здорово и нужно многое успеть. К чему портить жизнь слезами, дикими сценами с выяснениями отношений и взаимными упреками? Все это утомляет и не имеет никакого смысла.

Подружки плакались Вике в жилетку с завидной регулярностью. Она добросовестно выслушивала чужие откровения, утешала, жалела, но до конца не понимала. Да разве подвластно логике подобное поведение? Сегодня, например, несчастная девушка бьется в истерике и пытается демонстративно наложить на себя руки, потому как любимый оказался гадом, перестал замечать и откровенно ухлестывает за другой. Учеба побоку, жизнь не мила. Человек искренне и бурно страдает, за него становится по-настоящему страшно. Проходит неделя, другая, и куда все девалось! Появляется новый сердечный друг, девочка снова мчится навстречу новому счастью с широко раскрытыми глазами. Мысли о самоубийстве забыты, страдания задвинуты в пыльный угол. Человек счастлив в который раз, и при этом купается в своих эмоциях с таким энтузиазмом, что брызги разлетаются далеко вокруг. И такая дребедень без конца и начала происходит постоянно. Как будто в этом бесконечном хаосе и заключается смысл жизни.

Нечего скрывать, иногда спокойная и уравновешенная Вика задумывалась над тем, что эмоциональная сторона ее жизни отличается от непредсказуемого и рваного темпа страстей и переживаний ровесниц. В такие моменты она добросовестно старалась проанализировать ситуацию и понять, почему она умудряется сохранять олимпийское спокойствие? Наверное, это не совсем правильно. Не может один солдат идти в ногу, а вся рота не в ногу. Может быть, с ней что-то не так? Но такие мысли посещали девушку крайне редко.

После первой сессии они с Аркадием решили пожениться. Особым сюрпризом для окружающих это не стало. И родители, и друзья, и преподаватели давным-давно воспринимали их как единое целое. Наверняка сообщение о том, что они расстанутся, произвело бы больший фурор. А к такому развитию событий были готовы абсолютно все. Это был вполне разумный шаг, логичное подведение итогов сложившихся и проверенных отношений. Денег у обоих не было, да и откуда им было взяться? Аркадий жил в общежитии, потому как приехал учиться в столицу из далекого сибирского села. Родители ему не помогали, кроме Аркадия в семье было еще трое детей. Подрабатывал, конечно, потому что на одну стипендию, даже повышенную, прожить было невозможно.

Виктория жила с мамой, папа умер, когда она училась в восьмом классе. Произошло все так скоростижно, что до сих пор папина смерть не давала покоя. Обычным утром мо-

лодой и здоровый мужчина вышел из дома на работу, побежал, чтобы успеть на троллейбус. Ничего особенного, обыкновенная ситуация, от этого не умирают полные сил молодые мужчины. А папа умер. Обширный инфаркт. «Скорая», которую вызвали незнакомые люди, констатировала смерть. Папа никогда не жаловался на здоровье. Чем нелепее смерть, тем больше она порождает вопросов, на которые не находится ответов. Мама больше замуж не вышла. Вкалывала из всех сил участковым врачом на полторы ставки, а по выходным дежурила в больнице. Все ради нее, единственной дочери. Чтобы Вика не чувствовала себя в чем-то обделенной. У Виктории не хватило мужества послушаться и поступить на вечерний или заочный факультет. Мама о такой учебе и слышать не желала. Так что семейные доходы были невелики. Мамина зарплата да ее стипендия. Особо не разгуляешься.

Свадьбы, в привычном понимании этого слова, у них не было. Гуляли по улицам, случайно проходили мимо ЗАГСа, увидели вывеску и решили зайти ради интереса. Зашли и подали заявление, не придав этому факту особого значения. Это было больше похоже на игру во взрослых, чем на обдуманное решение. За три дня до регистрации Аркадий будничным и ровным голосом, как бы между прочим, напомнил Виктории, что им надо найти свидетелей, и поинтересовался, не раздумала ли Вика выходить за него замуж. Девушка вдруг сообразила, что через три дня действительно истекает трехмесячный срок, который им дали в ЗАГСе на обду-

мывание своего решения. А она-то, растяпа, совсем забыла об этом. Может быть, потому, что после того, как они подали заявление, никогда не возникало разговоров о свадьбе, гостях, совместной жизни? Скорее, тот поступок напоминал шутку. И все же Виктория спросила себя: «А почему бы и нет?» И ответила согласием. Судьбоносный разговор происходил в студенческой столовой, ели сосиски с тушеной капустой. Они с Аркадием всегда брали одинаковые блюда. В кулинарных пристрастиях, как и в жизни, у них не было разногласий.

Свидетелей долго искать не пришлось, желающих было больше чем достаточно. Вчетвером, в повседневной одежде, балагурия и веселясь от души, зашли по тому же адресу, поставили подписи на бумагах, прослушали высокопарно-возвышенное минутное поздравление от работницы ЗАГСа и получили свидетельство о браке. Было очень смешно присутствовать на церемонии. Как будто они попали на ретроспективный показ старой советской киноленты двадцатилетней давности. Напыщенная тетка с вытравленными до цвета желтой соломы волосами, пышными формами и с широкой красной лентой через плечо выглядела ужасно и произносила громким напыщенным голосом всякие глупости. Виктория помнит, как она завороченно следила за лентой, которая топорщилась на мощной груди и ходила ходуном, словно живая.

Молодые, счастливые, беззаботные и веселые, они еле

сдерживались от распирающих приступов смеха. Нахохотавшись вволю, распрощались со свидетелями, в ближайшем универсаме купили бутылку шампанского – и отправились домой. Мама, помнится, тогда переполошилась не на шутку, даже всплакнула от волнения. Но ничего, молодец, быстро взяла себя в руки, накрыла стол, достала из серванта хрустальные парадные фужеры. Так началась семья. Им не нужны были свадьба, фата, платье, золотые кольца.

Между ними с первого дня были ровные, честные, простые и понятные отношения. Сюсюканье, присущее многим влюбленным парам «солнышки», «зайки», «котики», «лапочки» и тому подобные глупости не засоряли их лексикон. Если порой и возникало недопонимание, они решали все вопросы мирно и цивилизованно. Сиделись вечером на кухне, закрывали плотно дверь, чтобы не волновать маму по пустякам, спокойно разговаривали, выясняли причину, которая привела к ссоре, и больше не повторяли подобных ошибок. Их союз был идеален со всех сторон. Так она думала тогда, сейчас она понимает, что Аркадий использовал ее самым прозаическим способом. Он не любил ее никогда. Ему не нужна была любимая женщина, он не собирался строить семью. Она стала для него удобным инструментом для решения пресловутого квартирного вопроса. Благодаря женитьбе он осуществил заветную мечту – быстро и практически безболезненно стал стопроцентным столичным жителем.

Поначалу было ох как не просто. Быт, всякие ложки-вил-

ки, диваны – это, конечно, все из области не очень высоких материй, но куда денешься? На полу спать не будешь, и руками есть не очень-то удобно.

Через год совместной жизни родился Никита, спустя два с небольшим года – Аллочка. Помогать молодой маме по-прежнему было некому. Бабушка продолжала работать. Очень трудное было время. Но учебу Виктория не бросила, правда, пришлось перевестись на заочное отделение. Так и разрывалась между детьми, мужем, домом и учебой. Одной рукой качала коляску, другой писала курсовые.

Сейчас, спустя много лет, она сама не понимает, как сумела выстоять. Крутилась как белка в колесе. Времени на сон не оставалось. Какой там сон, она дышать научилась через раз. Это с тех самых пор организм выработал привычку не тратить свободное время попусту. Спустя много лет она с необыкновенной легкостью засыпает в транспорте, в кресле перед телевизором, при каждом удобном случае. Ненадолго, минут на пятнадцать, но глубоко. Тот давнишний недосып научил ее мозг и тело отдыхать, как только появляется маломальская возможность. И все равно, несмотря на все трудности, бессонные ночи, детские болезни, вечную нехватку денег, она ощущала себя вполне счастливой женщиной. В детях она растворилась так же, как и в муже. Ей не нужны были золото, бриллианты, дубленки. У нее было высшее счастье – ее семья. Ради этого стоило жить и не жалеть себя.

После окончания института Аркадию предложили остаться-

ся работать на кафедре родного института. Глупо было отказываться от такого лестного предложения, он с радостью согласился и поступил в аспирантуру. Он, надо отдать ему должное, всегда очень много трудился. Ночами писал диссертацию и занимался параллельно переводами. Все домашние заботы Виктория взвалила на свои плечи добровольно и безропотно. Она была абсолютно уверена, что поступает правильно. Сейчас главное, чтобы Аркадий защитил кандидатскую. Это важнее, чем похвастаться перед подружками, что муж убрал посуду после ужина. Подумаешь, какая невидаль. Посуду каждый может помыть, а вот защитить диссертацию и сказать новое слово в науке не каждому дано. Она была безоговорочно уверена в таланте мужа и помогала ему всем, чем могла. У него были железный характер, воля к победе, а уж усердию и трудолюбию Аркадия мог позавидовать любой. Если он ставит перед собой цель, добьется результата непременно, каких бы усилий это ни потребовало. Пусть не сразу, но сделает это обязательно. А для достижения высокой цели можно пожертвовать какими-то мелочами, тем более что ей приятно это делать. Аркадий принимал ее жертвы как нечто само собой разумеющееся.

Помощи ждать было неоткуда. Родители Аркадия не принимали в судьбе сына ни малейшего участия. Они, видимо, считали родительский долг исполненным до конца. Сына родили, вырастили, в столицу отправили. И на том спасибо. Очень редко, обычно к праздникам, приходили коротень-

кие, безграмотные и маловразумительные письма от родителей Аркадия. На половинке неровно оторванного листка из школьной тетрадки в клеточку мелким, корявым почерком передавались приветы от многочисленной родни, описывалась погода и виды на урожай.

В этих странных записках издалека не было ни любви, ни страдания от разлуки, ни боли за ребенка, они были пусты, скупы и равнодушны. Аркадий начинал страшно нервничать при виде очередного конверта, Вика успокаивала мужа и добросовестно, по собственной инициативе, отвечала на каждое послание. Она не страдала оттого, что незнакома с родственниками мужа, не испытывала ни раздражения, ни дискомфорта. Наслушавшись житейских историй-страшилок, она понимала, что ей в этом отношении очень повезло. Ее ситуация гораздо выигрышнее, чем у многих сверстниц. Она не знает, что это такое, когда сварливая и вечно недовольная свекровь живет под боком или, не приведи господи, на одной территории. Сколько семей распалось просто из-за того, что свекровь бесцеремонно совала любопытный нос не в свои дела и без усталости раздавала бесценные советы налево и направо.

Аркадий совершенно не скучал по своим далеким родственникам, словно их не существовало. Иногда ей казалось, что он отсек эту часть своей жизни без жалости и сожаления. Причины были неизвестны, муж не любил вспоминать свое детство. Был у него неистребимый пунктик – Аркадий стре-

мился выглядеть стопроцентным москвичом. Он очень нервничал и злился, если ему вдруг ненароком напоминали о его происхождении. Вика мужа прекрасно понимала и не осуждала. Она твердо знала: если Аркадий так поступает, значит, это правильно. И потом, кому приятно кричать на весь свет, что он родился в деревне с названием Черные Грязи?

Через несколько лет, приложив невероятные усилия, Аркадию удалось вступить в кооператив. Деньги собирали по рублику, да что там по рублику, по копеечке. Маме огромное спасибо, сама, не дожидаясь просьб, предложила довольно приличную сумму.

Собственная квартира. Это ли не настоящее счастье! Виктория была готова днем и ночью тереть, мыть, благоустраивать жилище. Это ни с чем не сравнимое ощущение. Она помнит, как доставала мебель по великому благу, как тащила через весь город торшер, купленный на улице Горького. Про каждую вещь в своей квартире она могла рассказать отдельную историю. Любая безделушка доставалась с огромным трудом, но приобретение нового предмета для дома приносило огромную радость. Когда детвора подросла, Виктория устроила детей в ясли-сад и пошла работать туда же – воспитательницей. Зарплата была смехотворной, но она находилась рядом со своими детками.

Потом, когда дети начали учиться, она перешла на работу в школу. В их, а вернее, в ее ситуации это был самый оптимальный вариант. У нее было минимальное количество ча-

сов без классного руководства. Завуч прекрасно понимала ее проблемы и всегда шла навстречу, дай ей Бог здоровья. Поэтому дети не страдали от недостатка внимания и заботы. Зарплата, конечно, была не ахти, но в тот момент эти рубли ох как пригодились. Время шло, дети подрастали и радовали своими успехами. Жизнь была не очень легкой, но понятной, ясной и счастливой.

И сын, и дочка учились хорошо, в меру шалили. Естественно, Аркадий дороги в школу не знал. Он подчас забывал, в какой класс переходят сын или дочка. Школа, родительские собрания, общение с учителями и друзьями детей, сборы и отправка в летние лагеря отдыха, разнообразные секции – все это было ее единоличной заботой. Муж тем временем защитился, начал преподавать и серьезно задумываться уже о докторской диссертации. Именно тогда Аркадий настоял, чтобы она уволилась с работы. Она, как всегда, не стала возражать, подчинилась его желанию.

Вспоминая о своей жизни, Виктория Михайловна ни о чем не жалела. Она не считала себя жертвой. Она и по сей день была твердо уверена, что главное предназначение женщины – создание семьи, рождение и воспитание детей. Это самое важное, и никто ее не переубедит в обратном. Семья – святое и вечное понятие. Жить интересами любимых людей, доставлять им радость, сохранять взаимопонимание, согреть их заботой и любовью стало смыслом ее жизни. Она бы и сегодня делала это с не меньшим энтузиазмом, только са-

мые близкие, родные и любимые люди перестали в этом нуждаться.

Гром грянул, как всегда, неожиданно. Виктория Михайловна стала замечать, что Аркадий стал нервным и необыкновенно раздражительным. Возвращался домой поздно, не интересовался успехами детей, семейными новостями и проблемами. Поужинает, перекинется нехотя парой дежурных фраз, полистает газеты – и отправляется на боковую. Она оправдывала поведение мужа, сочувствовала ему. Как же, он так загружен, в институте обстановка нездоровая, постоянно плетутся интриги. Честному и бескомпромиссному человеку без связей и блата очень трудно выдержать. Дожалелась, что называется, допонималась.

Аркадий выбрал замечательный момент, чтобы нанести сокрушительный удар, наверное, долго готовился. В тот черный вечер детей не было дома. Муж дожевал ужин с недовольным видом и вместо того, чтобы залечь на диван с газетой, обронил: «Нам надо поговорить». Как она обрадовалась тогда. Думала, что снова, как в старые добрые времена, они допоздна просидят вдвоем на кухне, будут говорить о всяких важных и не очень делах. То, что она услышала, поставило крест на всей жизни, надеждах и мечтах.

– Видишь ли, – почему-то пряча глаза, произнес Аркадий, – нам с тобой необходимо развестись.

Виктория Михайловна ожидала услышать что угодно, только не эти слова. Она сначала решила, что ослышалась.

Если честно, она не поняла, что вообще происходит. Развестись? Почему? Зачем? У них такая замечательная, практически идеальная семья. Они прожили восемнадцать лет в мире и согласии. А это, между прочим, не фунт изюма. Между ними не было ссор, недопонимания, истерик. У них уютный дом, прекрасные дети, идеальные взаимоотношения. О каком разводе может идти речь?

– Да, – твердо и решительно произнес Аркадий, не давая ей опомниться, – нам надо развестись.

Виктория Михайловна все равно не понимала, что происходит. Она даже заплакать не смогла от боли и леденящего ужаса, который сковал ее от этих страшных и непонятных слов. Что случилось с Аркадием? Что он такое говорит?

– Я знаю, я виноват. Но ты меня понимаешь, как никто другой. Тебе будет тяжело, но ты, как человек здоровый и адекватный, должна понять одну простую вещь. – Аркадий продолжал говорить с преподавательскими нотками в голосе, но она уже потеряла нить разговора. Потрясение было настолько сильным, что Виктория Михайловна вдруг осознала, что испытывают люди после контузии. Она видела, как у мужа шевелятся губы, понимала, что он пытается ей что-то объяснить, но слов не слышала. Звуки, родные запахи, уютная кухня – все потеряло смысл и стало каким-то вторичным, почти нереальным. У нее неожиданно начался страшный приступ головной боли, и она окончательно перестала соображать.

Когда Виктория Михайловна очнулась, Аркадий, не обращая внимания на ее состояние, продолжал говорить. Она прежде не замечала за ним такой горячности. Отупевшим взором она смотрела на мужа и понимала одно – это конец всему. Все, что создавалось годами, за что она боролась, не щадя сил, чему она посвятила свою жизнь, ему не нужно. Она, по его понятиям, пошлая мещанка, утонувшая в бытовых проблемах. Она редко ходит в парикмахерскую, не следит за модой, превратилась типичную и недалекую домохозяйку. Какой халат? Она дома ходит в велюровом брючном костюме, вполне современном, летом в шортах и майке. А, это мы изъясняемся фигурально. Почему-то халат обидел тогда больше всего. На некоторое время чувство обиды помогло собраться с силами, но ненадолго. Из всего, что она услышала, она поняла одно – Аркадий встретил настоящую любовь и не собирается тратить остаток жизни на нее, безмозглую клушу, обабившуюся, стареющую тетку, утонувшую в борщах.

Все оказалось проще простого. Ее муж влюбился в молоденькую студентку. Это настолько перевернуло его взгляды и принципы, что он твердо решил одним махом изменить жизнь, вернуть молодость, а заодно отравить дальнейшее существование ей, безропотной и жертвенной. Утомила она его своей покорностью и готовностью к ежедневным подвигам. Захотелось мужику на старости лет неземных страстей. Не избежал искушения. Лучше бы это случилось в са-

мом начале их совместной жизни. Но сейчас, на пороге сорокалетия, когда не было уже ни сил, ни желания выстраивать новые отношения, это оказалось катастрофой. Он бросил ее таким подлым образом, что подлее не бывает. Хорошо, нечего сказать. Семнадцать лет сладко ел, мягко спал, занимался исключительно собой любимым, а теперь, выходит, надоело. Предательство в высшем его проявлении. А что будет с ней, он подумал? Как дети воспримут и переживут его поступок? Он говорил и говорил, и все его слова были только о собственных чувствах и желаниях. Ощущения и страдания остальных не имели ни малейшего значения.

Ни слова не говоря, Виктория Михайловна встала со стула, добрела до спальни и рухнула на свою половину кровати. Ей страстно хотелось одного – забыться, а потом, когда она откроет глаза, рядом будет лежать муж, ее понятный и любимый Аркашечка, которого она знает и чувствует до беспредельности, которому посвятила всю себя. Так не бывает. Нельзя разом предать все, что они пережили вместе. Ладно, он ее разлюбил. Так иногда бывает. Сердцу, как говорится, не прикажешь. Но ведь есть еще очень много других обстоятельств. Как можно отречься одним махом от воспоминаний молодости, стремлений, общих желаний, детей? Ей этого не понять никогда. «Ничего-ничего, – уговаривала себя Виктория Михайловна, – Аркадий просто устал. Так бывает. Наверняка у него был не самый удачный день, вот и попытался сорвать злость на самом близком человеке. Какая может

быть необыкновенная любовь в их возрасте, когда безумные страсти давно отпыхали? Весь кошмар растает, останется там, во вчера, и окажется неудачной выходкой или дурной шуткой».

Чуда не произошло. Аркадий лег спать в гостиной, а утром, чуть свет, не позавтракав, не сказав ни слова, ушел из дома.

Потом началось страшное и невообразимое. У нее не было сил сопротивляться, доказывать собственную правоту и тем более бороться за то, чтобы Аркадий изменил свое решение. Когда расходятся двое, прожившие вместе целую и довольно благополучную жизнь, у окружающих возникает настоящий шок. Как так? Почему? Прекрасная пара, они так подходят друг другу, ничто не предвещало беды. Взрослые, замечательные дети, дом – полная чаша, дача, машина.

Но как бы ни объясняли свое решение бывшие супруги, какие бы аргументы и доводы ни приводили, все будет неправдой. Истинную причину знают только двое. Никакие словесные кружева не помогут посторонним людям разобраться в крахе семьи. Когда страсти поулеглись и к Виктории Михайловне вернулась способность соображать и анализировать, она многое поняла и сделала правильные выводы. Нельзя сказать, чтобы эти умозаключения сделали ее счастливой, но они помогли ей остаться на плаву, не сойти с ума, заставили ее по-новому взглянуть на многие вещи.

Итог был крайне неутешительный. Гордиться было нечем.

Она осталась ни с чем. Дети выросли и в ее тотальной заботе больше не нуждались. Муж предал, ушел к другой женщине. Подруг, не считая Костроминой, она растеряла, поскольку была предана семье, и только ей одной. Кроме членов родительского комитета, она за последние лет пять ни с кем не общалась. Умирать было еще рано, а жить не хотелось. Страшное время. Сначала помогали держаться на плаву дети и забота о них. Но очень скоро дети стали по-настоящему взрослыми и отправились друг за другом в самостоятельное плавание. Сколько бессонных ночей она пережила, сколько пролила горячих слез! Дети на удивление легко восприняли папино решение. Никакой личностной трагедии. Они не встали в позу, не отреклись от отца. За это им огромное спасибо. А с другой стороны, такое отношение ранило очень больно, особенно поначалу.

Когда Аркадий решил радикальным способом изменить свою жизнь, поневоле пришлось задуматься о работе. В школу она возвращаться не хотела. В то время у нее не хватило бы сил для такой работы. Там надо гореть каждый день, отдавать себя полностью, без остатка, а отдавать было нечего. Она была опустошена, уничтожена, раздавлена, она не воображала, что делать и как жить дальше. Да и забыла многое за эти годы. В голову приходили мысли крамольного характера. То ли в няньки податься к нуворишам, то ли полы пойти мыть. Она не знала, что делать, каким образом найти достойную работу. Газеты пестрели заманчивыми объявлениями,

которые в основном преследовали цель надуть и околпачить неискушенных граждан. Помог случай. Совсем рядом, через два дома от них, открыли новую библиотеку. Виктория Михайловна заглянула туда ради интереса – и осталась на долгие годы. С филологическим образованием ее с удовольствием приняли на должность библиотекаря-библиографа. Зарплата, конечно, не ахти. Зато рядом, можно прибежать домой в обеденный перерыв, детей накормить и проконтролировать.

Рухнули в одночасье все понятия и жизненные устои, ее загнали в угол с потрясающим цинизмом и подлостью. Спасибо, что у мужа хватило благородства, если это слово можно употребить по отношению к нему, не претендовать на жилье. Ушел красиво, по-джентльменски, с одним чемоданчиком. А чего ему было не джентльменить? Девочку он подобрал себе не из простых, и, как подозревала Виктория Михайловна, его поступок был замешан не на любовной, а исключительно на меркантильной основе. Уж больно честолюбив был ее Аркадий, ему всегда хотелось достичь всего и сразу. Он и повышенную стипендию в студенческие годы зарабатывал не из-за того, что жрать было нечего, а чтобы доказать всем, на что способен мальчик из далекой провинции. Он всегда стремился доказать москвичам, что он лучше, умнее, работоспособнее их.

Кроме молодости, у новой жены Аркадия много чего было. Папа – целый заместитель министра, мама – дочь зна-

менитого писателя. Когда-то, в далекой молодости, Аркадий сделал ставку на науку, чтобы добиться успеха и жить красиво. Но капризная судьба сыграла с ним довольно злую шутку. Наука отняла много сил и времени, требовала постоянной любви и внимания, а результат по нынешним временам оказался аховым. Нынче ученые не в цене и не в фаворе. Зарплата небольшая, госдачи не выделяются, персональные автомобили, как и Госпремии, налево и направо не раздаются. Гранты получают только очень талантливые или удачливые. А с талантом у Аркадия все оказалось не так просто. Никакого нового слова в науке он не сказал. Не заметили корифеи от науки стараний добросовестного провинциала. Женившись, он сделал очень грамотный ход. Убил всех зайцев разом. Его жажда жить красиво и широко осуществилась. А то, что за бортом остались первая жена и дети, никого не интересовало. Аркадия – в первую очередь.

Из ночи в ночь Виктория Михайловна терзалась разными мыслями, которые не давали заснуть. Она многое поняла за это время. Чем больше думала, как такое могло случиться, тем яснее виделись многие вещи, на которые она раньше не обращала внимания. Постепенно, не сразу, обида начала отступать, пелена спадала с глаз. В один прекрасный день, а вернее, ночь, она вдруг отчетливо поняла, что винить, кроме себя, в сложившейся ситуации некого. В этом выводе была беспощадная правда жизни, но умозаключение, рожденное бессонными ночами, помогло ей выжить семь лет назад.

Она растворилась в жизни любимых людей, подчинила себя полностью семье, отдалась процессу самозабвенно, без остатка. Это очень хорошо и правильно. Только она забыла одну простую вещь. Ее жизнь, лично ее, неповторима. Ее не научили любить себя, единственную. Ей внушали с рождения, что она должна. Должна хорошо учиться. Должна принести фантик от конфетки домой, если по пути на улице не попадется мусорная урна. Должна получить высшее образование. Должна создать семью, родить и воспитать детей. Должна ухаживать за мужем и детьми, должна оберегать свой дом. Мама, конечно, заблуждалась. Но ее-то голова садовая где была? Она – личность, неповторимая в своем роде. Да, она не написала симфонию и не стала звездой вселенского масштаба. У нее другое предназначение. Только вот какое? Она утратила память об этом в жизненной гонке. Ей казалось, что она все делает правильно. А это непростительно. Она прочитала огромное количество книг, общается с людьми, смотрит телевизор, в конце концов. Почему, ради чего она разрешила загнать себя в угол? Виктория Михайловна вдруг поняла, что и любви на самом-то деле в ее жизни не было никогда. Аркадий – первый и единственный мужчина. И что? Она никогда не парила в эмпиреях, не получала подарков, не купалась в неге и ласке. Супружеский долг ее муж исполнял исключительно ради собственного удовольствия. Она, прожив столько лет в браке, осталась неразбуженной и наивной, как до замужества.

Ей, конечно, попадались в руки всякие женские журналы, от коллег приходилось выслушивать необыкновенные по эмоциональному накалу страстей истории. Раньше, до того, как ее предали, она только снисходительно усмехалась в ответ. Виктория считала, что многие придают слишком большое значение такой довольно неувлекательной стороне отношений, как постель. Все, что касалось интимных отношений, для нее, матери двоих взрослых детей, осталось тайной за семью печатями. А теперь она все чаще стала задумываться о том, что женского счастья так и не познала.

Она воспринимала постель как необходимый атрибут семейной жизни. Ей, прожившей столько лет в счастливом, как она считала, браке, до сих пор было непонятно, почему люди ради такой глупости готовы свернуть горы. Она что-то пропустила в этой жизни. Поезд под названием «любовь» ушел давным-давно в неизвестном направлении без нее. Время прошло, и ни к чему на старости лет смешить людей. А сердце не подчинялось логике и ныло с завидным постоянством. Помнится, она даже к врачу сходила как-то раз по поводу болей в сердце. Кардиограмма оказалась прекрасной, и Виктория Михайловна перестала об этом думать.

Ему, бедному сердечку, не кардиолог был нужен в этот момент, ему просто-напросто не хватало любви. Обыкновенной любви, простой или сложной, не важно. Но сердце томилось, страдало и умирало без этой проклятой любви. Корвалол не помогал. А сверхпорядочная Виктория Михайлов-

на не понимала, отчего так бьется сердце, когда она смотрит хороший фильм про любовь или читает книгу, в которой герои любят, страдают, ревнуют, совершают головокружительные глупости ради того, чтобы быть вместе, рядом и навсегда. Это было захватывающе, но словно в другой, сказочной жизни. Голливуд правильно называли «фабрикой грез». У них там, за океаном, совсем другие проблемы. Ее история не вписывается в блистательный сценарий с хорошим концом. У нее все получилось как-то неправильно. Начало было отличным, а итог оказался неутешительным. Только выжженная пустыня вокруг. Песок забивает глаза, уши, не дает дышать, убивает безжалостно.

Книги и кино – это, конечно, здорово, можно и слезу пролить на досуге, но на самом деле существует жестокая действительность, в которой на зарплату библиотечкарши надо как покрутиться, чтобы умудриться заплатить за квартиру и еще прикупить кое-чего на ужин. Жизнь превратилась в жесткий кроссворд под названием: «Изворачивайся, как сможешь». И Виктория Михайловна крутилась изо всех сил, не кланя жизнь и не жалуясь на судьбу.

Душа болела за детей. Она понимала, что не в состоянии помочь своим ласточкам материально, и эта мысль сводила ее с ума. К сожалению, настали на дворе такие времена, когда мудрые советы стали не очень надежным подспорьем. Формула проста: хочешь помочь – давай бабки. А с бабками как раз было не очень.

Она давно простила Аркадия. Понять не смогла, если честно, но простила. На сегодняшний день его предательство не являлось для нее самой большой бедой. Все уже давно отболело. Больше тревожила в ту пору мысль, что она оказалась несостоятельной материально как раз тогда, когда дети нуждались в конкретной помощи. Особенно тяжело было в первые одинокие годы. Когда она начинала об этом вспоминать, у нее портилось настроение. Она не меркантильна от рождения, но в такие минуты Виктории Михайловне хотелось быть богатой. Не для себя, для своих детей. Счастье великое, что ребята довольно быстро стали самостоятельными. Но пока это произошло, пришлось похлебать лиха. Аркадий не отказывал в помощи. Но каждый раз при встрече ей приходилось выслушивать длиннющие нотации и нравоучения, что она ни к чему не пригодна, не умеет жить, не способна правильно распоряжаться деньгами. Поэтому к бывшему мужу она обращалась только в крайнем случае. Всего-то два раза. И вспоминать об этом у нее не было ни малейшего желания.

Глава 4

Всем хороша работа в библиотеке, кроме рабочего графика и заработной платы. Когда нормальные люди, плотно поужинав, устраиваются перед телевизорами в своих уютных креслах, Виктория Михайловна только опечатывает фонд. Выходные тоже приходится проводить на работе, так уж много лет заведено неизвестно кем. Сидят потухшие библиотечные тетки в тоске по субботам и воскресеньям в книжном помещении в ожидании потенциальных читателей, которых с каждым годом становится все меньше и меньше. Есть, конечно, несколько умалишенных, которые с маниакальной настойчивостью бродят с видом инопланетян между стеллажей. Но это не тот читатель, который валил в библиотеки совсем недавно. У тех глаз горел, они не пропускали выхода в свет ни одного журнала, ни одной заслуживающей внимания статьи, с радостью вставали в добровольную очередь на дефицитную книгу.

Как все изменилось. Дефицита нет, и настоящий читатель ушел в никуда. Испарился, словно его и не было. Классика давно отпета и зарыта в глубину веков, никого эта рухлядь не волнует. Мир изменился до неузнаваемости.

Книга перестала быть дефицитом в самой читающей стране мира. Сегодня в библиотеку ходят женщины преклонного возраста, которых интересуют исключительно переводные

любовные романы, и еще школьники, которым волей-неволей приходится тащиться в такое тухлое место, как библиотека, чтобы почитать не авторов, вовсе нет, а критиков, и написать сочинение на заданную тему.

Виктория Михайловна шла домой по протоптанной тропинке, удивляясь, какая снежная нынче выдалась зима. Несмотря на то что еще нет девяти часов, улицы пусты и безлюдны. До дома было пройти всего ничего. Виктория Михайловна наслаждалась вечерней прогулкой и ругала себя за то, что забросила лыжи. Это неправильно. Не такая она старуха, чтобы так наплевательски относиться к себе. На всякие новомодные фитнесы, может быть, и не стоит записываться, но что ей лично мешает взять абонемент в не очень дорогой бассейн? Пора задуматься о будущем. Она нужна детям, пока здорова и самостоятельна. Не хотят ее отпрыски размножаться, пока потенциальная бабушка еще вполне способна быть полезной, так что же? Сегодня не хотят, завтра передумают. Виктория Михайловна твердо решила, что не имеет права бесконечно хандрить и хоронить себя заживо. Пора привыкнуть к новым обстоятельствам и получать удовольствие от того, что ты жива и здорова. Снег поскрипывал под ногами, словно был солидарен с позитивным настроением женщины. Небольшой морозец бодрил и придавал сил. Даже в любимый дом не хотелось возвращаться. Так бы и гуляла по дорожке.

Батюшки, да она не одна такая. Навстречу двигались две фигуры. Издалека видно, что встречные молоды и бесшабашны. Дурачились, пуляли друг в друга снежками, хохотали во весь голос. Здорово. Она тоже с удовольствием прокатилась бы с горки на санках, да жизненный статус не позволяет. Виктория Михайловна разулыбалась, глядя на веселящуюся молодежь. Не успела порадоваться за подросшее поколение, как оказалась на узкой тропинке лицом к лицу с двумя пареньками. Сначала она не почувствовала опасности. Возраст людей, которые перегородили ей путь к дому, определить было довольно затруднительно, поскольку оба напялили на себя нелепые маски. И опять интуиция не просигналила, не предупредила, что нормальные люди не станут просто так, без веской причины, прятать свои лица. Виктория Михайловна порадовалась, насколько нынешняя молодежь раскрепощеннее и свободнее, чем были они в свое время. Хочется им дурачиться — они это делают и не оглядываются по сторонам. Нацепили маски, носятся по улицам, веселятся, для них продолжается праздник. Так и должно быть.

Тем временем два хохотунчика-весельчака встали на ее пути и, кажется, уступать дорогу не собирались. То ли им зрителей не хватало и надоело развлекаться самостоятельно, то ли что-то другое толкало на подвиги, но их решимость пообщаться с незнакомой дамой не вызывала сомнений. Виктория Михайловна остановилась и вдруг поняла, что, несмотря на не очень позднее время, вокруг, кроме общительных

весельчаков, нет ни одной живой души. А что на уме у этих двух – совершенно непонятно. И самое главное, их намерения уже не вызывали умиления и доброй, материнской улыбки. Дорожка была узкая, разминуться никак невозможно. Не прыгать же в сугроб. Это не вариант. Двое фигляров, явно нетрезвых, перегородили ей дорогу и ерничали хуже ряженых. А уж какие слова произносили, то не дай бог услышать никому. Мат свободно и легко лился из-под масок, лишая способности соображать. То ли корить бедных детей за бездуховность, то ли взывать к разуму. Наверняка мальчишки учились в школе, изучали русскую литературу и бессмертный великий язык. А тут – гоготали, словно умалишенные, кривлялись, скакали как одержимые. Нашли себе отличное развлечение – припугнуть одинокую женщину зимним вечером. Герои.

Не успела Виктория Михайловна призвать к порядку распоясавшихся молодых людей, как неожиданно почувствовала, что один из молодчиков самым нахальным образом пытается вырвать у нее из рук сумку. Только решила возмутиться наглостью и дать хороший отпор хулиганам, получила увесистый удар по голове. Норковая шапка не спасла, она предательски слетела с головы и закатилась в сугроб. Это было последнее, что запомнила несчастная женщина. Ей было страшно жалко шапку, на которую она копила деньги не один год. Виктория Михайловна испугалась не за свою жизнь и не за сумку, которую у нее к тому времени вырвали из рук.

Почему-то последним отблеском сознания осталось сожаление от утраты шапки. И еще было очень жалко этих двоих уродов, которые вместо того, чтобы жить, учиться, работать, радоваться жизни, нападают в пьяном угаре на одиноких и незащищенных женщин, пряча лица под уродливыми масками. От этого было особенно грустно. Потом она потеряла сознание.

Очнулась Виктория Михайловна в больнице. Голова гудела, словно Царь-колокол, зрение фокусировалось на обычных предметах с огромным трудом, потолок разбежался сотнями трещин, сильно мутило. Ей пришлось минут пять соображать, где она и что происходит. То, что Виктория Михайловна в больнице, она поняла сразу. Палата была огромной. Она оглядывалась по сторонам и никак не могла прийти в себя. Память упорно не желала подсказывать, что произошло и каким образом она оказалась на больничной койке. От собственного бессилия и ужаса Виктория Михайловна невольно застонала.

– Девки, ура! Наша чокнутая очнулась! – услышала она радостный вопль молодой, довольно сдобной соседки. – Доктора, доктора позовите! – распорядилась крикливая толстуха.

В один миг Виктория Михайловна вспомнила тропинку, снежные заносы, скрип снега под сапогами, молодых людей в масках, собственную радость и безалаберность. Потом перед ее глазами покатилась в сугроб серая норковая шапка... И

она опять ушла в небытие.

Потом приходил следователь с грустным взглядом, что вызвало в палате необыкновенный ажиотаж. А что она могла рассказать, какие дать показания? Лиц нападавших она не видела, возраст могла только предположить. Никакого заявления в милицию Виктория Михайловна писать не стала, чем вызвала у следователя нескрываемую радость. Сумка пропала безвозвратно. Зато, к великой радости Виктории Михайловны, шапка оказалась в целости и сохранности. Ей повезло. Она, естественно, не знала, сколько времени пролежала без сознания. Но по-видимому, не очень долго. По словам следователя, на нее наткнулась пожилая пара, совершавшая вечерний моцион. Старики оказались молодцами и сразу вызвали «скорую». Счастливый случай и участие людей помогли не замерзнуть насмерть в двух шагах от собственного дома.

Выздоровливала Виктория Михайловна долго и трудно. После того как очнулась и поняла, что произошло, впала в странный ступор. Словно депрессия, которую она узнала, когда муж предал ее, вновь вернулась и твердо обосновалась в ее теле. Травма оказалась не очень опасной, но что-то произошло в сознании. Ей не хотелось выздоравливать, возвращаться в обычную жизнь. Ее не радовали посетители. Словно в мутном сне, проплывали близкие и родные озабоченные лица. А ей хотелось одного – чтобы все оставили ее в покое. Удар, нанесенный уродом, попал не в голову, он ударил

в необыкновенно болезненную точку и перекрыл желание жить дальше. Она общалась с сыном, снохой, дочкой, ее другом, с близкой подругой, коллегами. Но при этом что-то главное исчезло. Виктория Михайловна воспринимала действительность как сторонний и крайне вредный наблюдатель. Ее ничто не радовало, она вдруг поняла, что смерть – это не самое страшное, что может произойти с человеком.

У нее не было желания общаться с больными. Их бесконечные откровения о личной жизни и постоянные разговоры о болезнях раздражали. После того как ей разрешили вставать, она все время старалась проводить вне палаты. В больничном коридоре было несколько уголков, где можно было уединиться. Она выбрала себе местечко у разлапистого растения в небольшом холле. Пространство напоминало небольшой закуток, в котором стояло несколько кресел еще советского образца. Но зато здесь было тихо и безлюдно. Телевизор находился в другом конце коридора, поэтому неприметное местечко обычно пустовало. Единственными ее соседями были многочисленные цветы, которые на удивление хорошо чувствовали себя в этом заведении. Читать было трудно, буквы расплывались и с трудом складывались в слова. Поэтому Виктория Михайловна часами сидела в неудобном кресле, положив нераскрытую книгу на колени. И все думала, думала, думала...

В один из вечеров она, как всегда, заняла свое привычное место. Время посещений закончилось, можно было побыть

наедине с собой. Больничный народ рассосался. Кто-то вернулся в палату, кто-то смотрел телевизор. За окном темно. Уж очень рано наступает ночь в зимнее время. По опустевшему коридору прошел лечащий врач. Наверное, у него сегодня ночное дежурство. Внимательно глянул в ее сторону, улыбнулся приветливо и кивнул. Виктория Михайловна вежливо поздоровалась. Очень приятный человек. Ей нравились умные и профессиональные мужчины. А Александр Григорьевич был как раз из этой категории. Его появление в палате всегда вызывало легкий трепет у обитательниц. Ничего удивительного. Мужчина хоть и не красавец, но обаяния и уверенности в себе не занимать. В Александре Григорьевиче чувствовалось мощное мужское начало. К тому же с чувством юмора у доктора все было в порядке. А учитывая, что врач и больной находятся хоть и не в близких, но в какой-то мере довольно интимных отношениях, многие дамы проявляли недюжинный интерес к персоне Александра Григорьевича. Близкими отношения между больным и врачом назвать довольно сложно. Но надо учитывать, что в них есть определенная особенность: ты совершенно беззащитна перед мужским взглядом, руками, которые исследуют твоё тело. Ты лежишь в постели в ночной рубашке и добросовестно отвечаешь на вопросы весьма интимного свойства. А в больнице все происходит в другом измерении. Ты послушно поднимаешь рубашку, дышишь или, наоборот, сдерживаешь дыхание. Исполнишь любые команды доктора. Это

нормально. Но тем не менее вы все равно люди разнополые. Стыдливость и неловкость отступают, ты способна поведать врачу такие подробности о себе, о которых другим мужчинам не призналась бы и под пытками. Временами ты вспоминаешь, что выглядишь ужасно. На голове черт знает что, на лице только природная красота. От этой мысли становится неловко. Но это чувство довольно быстро проходит. Вот такие метаморфозы происходят, когда болезнь берет верх.

Разговоры о заведующем отделением и его личной жизни велись в палате бесконечно. Дамочки, включая пенсионерок, перемыли Александру Григорьевичу все косточки до белизны. Ушлым дамам непонятно из каких источников поступала довольно подробная информация о докторе. Виктория Михайловна считала, что все это выдумки и фантазии, которые порождает больничная скука, и не придавала глупым разговорам ни малейшего значения.

Виктория Михайловна взглянула на часы и невольно вздохнула. Скоро придется идти в палату, а спать совсем не хочется. За время болезни она отоспалась на несколько лет вперед. Хотя еще не факт, что ее турнут с кресла, в котором думается очень хорошо. Сегодня дежурит милая сестричка Леночка, которая еще не научилась быть строгой и грубой. Так что вполне вероятно, что она сможет нарушить пресловутый распорядок дня и ей не придется слушать глупые разговоры скучающих товарок. Нет, не судьба, видимо, придется возвращаться на свое место. Неугомонный Алек-

сандр Григорьевич идет по коридору, теперь уже в обратную сторону. Ни к чему подводить милую девочку. Строгий заведующий наверняка испортит ей настроение. И чего бродит, словно привидение, весь в белом? Сидел бы, как все остальные, в ординаторской, отдыхал. Неймется ему. Хотя... она не права. Он заведующий, ему виднее, что делать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.